

Мухин М. Ю.
Екатеринбург, Россия

**СИСТЕМНЫЙ ВЗГЛЯД
НА ЯЗЫК СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**

УДК 81'27

ББК Ш 100.3

Аннотация. Рецензия на монографию Э.В. Будаева и А.П. Чудинова «Лингвистическая советология», Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. 292 с.

Ключевые слова: лингвистическая советология, политическая лингвистика, система, язык советского периода.

Сведения об авторе: Мухин Михаил Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка.

Место работы: Уральский государственный университет.

Контактная информация: 620026, г. Екатеринбург, ул. Куйбышева, д. 105, кв. 57.

E-mail: mfly@sky.ru.

Mukhin M.Y.
Yekaterinburg, Russia

**SYSTEMIC VIEW ON THE LANGUAGE
OF THE SOVIET PERIOD**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Abstract. This is the review of the monograph by E.V. Budaev and A.P. Chudinov «Linguistic Sovietology», Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2009. 292 p.

Key words: linguistic sovietology, political linguistics, system, language of the Soviet period.

About the author: Mukhin Mikhail Yurievich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Modern Russian Language.

Place of employment: Ural State University.

Известный переводчик и исследователь творчества В. Набокова Геннадий Барабтарло, настаивая на сохранении в тексте недавно изданного романа «Лаура и ее оригинал» некоторых черт старой русской орфографии (написания приставок типа без-, раз- и др. исключительно с буквой «з»), пишет, что это «просто вешки, столбики или крестики на дорожной обочине, напоминающие о произошедшей здесь некогда катастрофе». «Пишу я так вследствие искреннего отвращения от всякого советского даже мало-мальского изобретения», — поясняет переводчик [Барабтарло 2010: 97-99]. Это свежий пример тому, как обсуждение лингвистических вопросов окрашивается в социально-политические тона, а отношение ко «всякому советскому изобретению» даже образованному человеку, обладающему языковым чутьем, мешает объективно оценивать языковые факты. В приставках на -з/-с действительно можно было бы отказаться от фонетического принципа, но это вопрос исключительно орфографической прагматики, а не политики и кризиса культуры. Заметим, что у того же Г. Барабтарло наряду с написаниями типа *безформенный, рассказывал, черезчур, разсылный, разстелила* встречаются *благорасположенный, происхождение, распрямление, растраниженный, расходы* и т. п. Естественность фонетического письма и графическая память (влияние современных текстов) побеждают «искреннее отвращение».

Направление, которое получило название «лингвистическая советология», сложилось не только из множества статей и монографий, но и из таких частных суждений. Конечно, оно по определению не может быть узконаучным, так как должно иметь в виду не только лингвистические, но и социокультурные, политические, экономические аспекты. Некоторые советологи (например, Н. Лейтес) привлекают для рассуждения о политике поведенческие модели, свя-

занные с литературными персонажами: образами Карамазова, Раскольникова, Мышкина и др. В связи с этим трудно выделить изолированный объект и методологию советологии, так как советологические суждения разных времен не в состоянии избежать зависимости от политических взглядов, идеологии, конъюнктуры. Неслучайны и вполне объяснимы перекосы, заблуждения, отраженные, например, в статье какого-нибудь эмоционального эмигранта из Советского Союза, ругающего без разбора все, что относится к советской действительности, или, наоборот, некоего современного гражданина России, так же без разбора ностальгирующего по советскому прошлому.

На этом фоне монография Э.В. Будаева и А.П. Чудинова «Лингвистическая советология», наверно, первая книга, в которой объективно систематизированы самые разные политико-лингвистические взгляды на язык советского периода. Базу реферативной части монографии составляет около 250 советологических источников, среди которых 180 (!) зарубежных. В книге они комментируются взвешенно, с известной критикой. См., например, обсуждение работы Андре Мазона (с. 23), настаивавшего на неудачности формул «Религия – опиум для народа» (вместо более верного, с его точки зрения, «Религия – народу опиум») и «Революция – локомотив истории» (вместо «Революция – паровоз истории»). При всей трудности периодизации советологии Э.В. Будаев и А.П. Чудинов логично выделяют пять этапов ее развития, начиная с революционного периода и до сегодняшних дней. Исторический экскурс, представленный в книге, впечатляет своей подробностью и блестящим знанием фактографии.

Жизнь показывает, что в современной России советология не теряет своей актуальности, а обращение к историческим фактам позволяет объяснить новые реалии. Например, авторы монографии цитируют М. Раша (с. 8), который в

1958 г. констатировал становление «культы Хрущева» на основании того, что в речи Хрущева обнаружались «типичные словечки Сталина». Сегодня вопросы о культе личности французские журналисты задают В.В. Путину, а некоторые (в основном зарубежные) исследователи в использовании «силовой» лексики в его выступлениях видят реставрацию тоталитарного режима в России. Схематичные выводы некоторых современных западных советологов часто упрощают коммуникативную ситуацию и, следовательно, политическую риторику: например, эффективность дискурса российского президента [Путина] можно видеть (по исследованию М. Горхема) только лишь в умелом использовании пяти автообразов: *технократ, деловой, силовик, мужик и патриот* (с. 44). При этом в «Лингвистической советологии» подчеркивается мысль о том, что по речи политической элиты, люди могут узнать «и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдаляется от народа)» (с. 46).

Анализ истории советологии связан с выводами о современной российской политической коммуникации, которая «следует общемировым тенденциям и вместе с тем сохраняет национальные особенности» (с. 48). Невозможно не замечать, что идеологизированность как вне-российских, так и внутривосточных интерпретаций политической речи сохраняется в постсоветские времена. Постсоветский дискурс, по справедливому суждению авторов, сохраняет многие черты советского. Так же, как и в период «холодной войны», сегодня многие пытаются объединить советскую и фашистскую политическую речь, что связано с острой дискуссией об итогах Второй Мировой войны. «Объективная» советология разводит сталинский и фашистский дискурс, связывая различия с оппозициями «интернационализм – национализм», «коллективизм – индивидуализм», «обращенность к будущему – культ прошлого» (см. анализ работы Д. Вайса, с. 50).

В книге поднимается вопрос и о языковой ситуации в постсоветских государствах – Украине, Белоруссии, прибалтийских странах. Авторы констатируют, что на ее оценку до сих пор влияют стереотипы, сложившиеся во времена холодной войны. К сожалению, эти стереотипы очень сильно корректируют образ современной России в сознании западной общественности. Лингвистическая советология рассматривает факты социокультурных влияний на коммуникацию. Именно с ними связаны ошибки в западной трактовке слова «консерваторы» (так называли в период перестройки коммунистов) или в понимании различия между словами «российский» и «русский».

В качестве сфер своего интереса советологи выделяют противопоставленные языковые подсистемы: с одной стороны, это «тоталитар-

ный», «официальный», «казенный» язык, а с другой стороны, «подпольный», «антисоветский» язык людей, сопротивляющихся официальной идеологии. К этим людям можно отнести и заключенных ГУЛАГа. «Советологи, – пишут Э.В. Будаев и А.П. Чудинов, – осознали, что определенные элементы русской лексики остаются малопонятными, что связано не только с их жаргонной замкнутостью, но и с тем, что в языке заключенных появились именно советские новообразования, прежде неизвестные исследователям русского тюремного жаргона» (с. 33). Советология напрямую связана с изучением неологии, так как разные этапы развития советского государства связаны с появлением в языке целых лексических пластов. В пример можно привести слово *федеративная*, которое в революционные годы обозначало проститутку, общедоступную женщину, а *перестройка, гласность, ускорение* – это уже черты языка горбачевского периода. Советология привлекает людей еще и потому, что она на большую часть публицистична, освещает острые культурно-языковые проблемы, проявляет яркую индивидуальность авторов. Эксперты-советологи пишут «о том, что особенно интересно их читателям в данный исторический момент» (с. 68).

Практическую пользу своей работы авторы видят в плане «более полного понимания общей истории советологии, во-вторых – в качестве важной части истории русского литературного языка, а в-третьих – в рамках общей теории коммуникативистики и изучения тоталитарного дискурса» (с. 11). То, что советологические исследования позволяют выявить в политических текстах проявления оппозиций «свое и чужое», «случайное и закономерное», «общечеловеческое и национальное», сближает их методы с когнитологическими.

Вторая часть монографии, «Антология лингвистической советологии», является обширной хрестоматией, представляющей разные этапы развития советологии. Такой сборник необходим хотя бы потому, что многие из представленных работ совершенно неизвестны широкой публике, а ряд переводов выполнен специально для монографии, т. е. эти тексты впервые публикуются на русском языке.

Несомненно, монография Э.В. Будаева и А.П. Чудинова «Лингвистическая советология» – полезный источник сведений о направлении, которое волнует многих и вызывает жаркие споры. Лингвистическая и историческая компетентность авторов вместе с хорошим стилем изложения делают эту книгу информативной и интересной.

ЛИТЕРАТУРА

Барабтарло Г. «Лаура» и ее перевод // Набоков В. Лаура и ее оригинал: Фрагменты романа. – СПб: Азбука-классика, 2010. С. 75-104.

© Мухин М.Ю., 2010